

**Тенденция к эстетизации медиа
в ранней публицистике Тома Вулфа
Харитонов Дмитрий Владимирович**

аспирант

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: mkharitonov@inbox.ru

“Новый журнализм” возникает в США в середине 1960х гг. Первый текст, написанный в этой манере – статья идеолога и вдохновителя течения журналиста Тома Вулфа в журнале “Эсквайр”. Статья под названием “Вот (Вррум! Вррум!) эта конфетно-оберточная (жжжжжжжж!) апельсино-кожурная обтекаемая красавица (rrrrrrrr!) появляется из-за поворота (бруммммммммммммммм)...” (1963) – отправная точка движения, которое впоследствии осознается как знак существенных культурных и политических перемен и само принесет важные перемены. Пространством новой журналистики станут журналы и книги.

В рецензии на первую книгу Вулфа, сборник статей под названием “Конфетно-оберточная апельсино-кожурная обтекаемая красавица” (1965) появляется слово “паражурнализм”. Начинается полемика вокруг “нового журнализма”, не угасшая, кажется, и по сей день. Тем не менее, новое течение завоевывает сторонников и все отчетливее заявляет о себе.

“Новый журнализм” оказывается новой формой, почти в равной степени принадлежащей художественной литературе и публицистике. Руководствуясь принципами литературного натурализма (отступление от которых, по его мнению, завело американскую литературу в тупик), Вулф насыщает публицистическое письмо приемами, применяемыми в художественной литературе, при этом настаивая на фактически достоверном содержании текста.

Впрочем, установка на достоверность не означает сохранения заветов “старой” журналистики. Самые главные претензии к Вулфу и другим представителям движения предъявлялись в связи с тем, как те подавали материал – предположительно искажая священное для традиционной журналистики представление об объективности. Вулф считал главным жанром очерк (который потенциально более субъективен, чем всякий другой, потому что предполагает исключительно личное видение) и предпочитал его всем прочим. Но жанр этот был им существенно изменен.

В 1973 г. (когда у “нового журнализма” была уже почти десятилетняя история) выходит подготовленная Вулфом и его соратником Джонсоном антология, в которую входят тексты двадцати одного представителя движения. В предисловии Вулф излагает его принципы и выделяет четыре основополагающих момента, лучше всего движение характеризующих.

Для текста, по Вулфу, важно следующее: 1) Журналист должен наблюдать события лично, не полагаясь на источники, и предельно полно, “посщенно”, излагать их. 2) Максимально содержательная передача диалогов создает эффект достоверности и способствует более основательному созданию характеров. 3) Для того, чтобы дать читателю полное представление о происходящем, можно рассказывать от третьего лица, превращая, таким образом, персонаж как бы в героя романа и “обращаясь” с ним соответствующим образом. 4) Для глубины анализа (Вулф называет это “социальным вскрытием”) необходимо подробное наблюдение обстановки.

Производя “новый журнализм” от литературы, Вулф не думал ограничивать его журналистикой; недовольный положением дел в современной отечественной словесности, Вулф взывал к Золя и Диккенсу и заявлял, что “новый журнализм” в известном смысле заместит собою роман и даст читателю то ощущение присутствия, которое безуспешно пытались создать Генри Джеймс и Джеймс Джойс. “Новый журнализм” обращался к широкому диапазону актуальных тем – и Вулф не замыкался на сугубо социальной проблематике; его книга “Крашеное слово” (1975) посвящена современному искусству, а “От Баухауса к нашему дому” (1981) – современной архитектуре.

“Новый журнализм” становится важным и влиятельным обстоятельством американской культурной и социальной действительности, повлияв как на культурную, так и на социальную журналистику.

Специфика письма Вулфа позволяет говорить о трех тенденциях: к медиатизации прозы (формально обозначенной “посценным” изложением и досконально воссозданным диалогом; текст обретает сходство с репортажем, характер непосредственного отображения происходящего), к эстетизации медиа (использование “третьего лица”, то есть несвойственный традиционной журналистике рассказ о человеке “изнутри” и доскональное описание обстановки, в которой происходит действие; фактическая основа получает художественную окантовку), к созданию особой формы авторского присутствия в тексте и бытования за его пределами в виде “медийной”, публичной фигуры.